

ДРУГУ ФЕДЕ АНЦИФЕРОВУ, ЛЮБИТЕЛЮ ХВАТАТЬ ДЕВУШЕК ЗА КОЛЕНКИ

Младая дева смотрит кротко,
нежна, как юная княжна,
и целомудренной колготкой
ее нога защищена.
Но, как охотник на медведя,
как тигр на лань - к чему скрывать! -
к ней подкатился грубый Федя
и за коленку хватать да хватать!
Подул мистраль, луна молчала,
звучал Венеры тихий смех...
Увы, коленка - лишь начало
иных занятий и утех.
Любовь не сводится к забаве!
Невинность следует беречь!
Так скажет бард, куя и плавя
в огне страстей родную речь.
Как пел еще великий Ленин,
в объятьях Наденьки дрожа,
коленкам нужен наколенник,
садам любви - сторожа!

ПОЭТ И СЛЕСАРЬ

Басня

Один Поэт*, как водится, суровый,
и звуков, и смятенья полн,
бежал на берега пустынных волн,
в широкошумные дубровы.
Бежал Поэт, всевластен, словно кесарь,
велик своим трудом!
А между тем один знакомый Слесарь**
к нему явился в дом.
Он знал: пока душа хозяина из плена
сладчайшего не освобождена,
томится там прекрасная Елена,
поэта верная жена.
И вот, позор обоих полушарий,
он мадригалы ей поёт
и безобразный свой инструментарий
на страх несчастной достаёт!
А где мораль? Не зря звезда любви лучится,
не зря красотка шепчет «ах»!
Не зря Поэт, вернувшись, в дверь стучится
С винчестером в руках.***

* - Ремонт Приборов.

** - Друг Федя, см. выше.

*** Друг Федя, выведенный под именем Слесаря, отозвался на эту великолепную Басню жалкой попыткой оправдания:

Слесарю слесарево

Зачем поэт быстрее лани
Бежит волнений и желаний?
От пышных персей, чудо-попы
Он артритические стопы
Зачем в изгнание стремится,
Он импотент? Фагот? Хермит?

Несчастный! не для жалких тварей
Елены дивных полушарий
Трепещет девственный изгиб.
Узрел их слесарь – и погиб ...
Погиб сантехник, пусть! Но прежде
Он в ладной форменной одежде
К коленке счастья приник ...
Стучись, палач! Стреляй, старик!

СТИХИ О ЛЕНИНЕ

По-латыни туманность – небула.
Лев пустыней бежит, рыча.
Ах, как жаль, что детишек не было
у Владимира Ильича!
У других - сорванцы беспечные,
все б ногами им крендельки,
а у Ленина – человечные,
молодые большевики.
Сволочь Троцкий хихикал гаденько,
у вождя же - слеза текла.
Не горюй, говорил он, Наденька,
есть другие у нас дела.
Наша тропка еще не пройдена,
пусть сгорим мы в огне страстей –
но пойдут под знамена Родины
миллионы наших детей!
И не зря, вспоминая лик его,
Русь веселия не таит:
верный правнук вождя великого
у штурвала ее стоит.

НАЧАЛО ПОЭМЫ НА ДРЕВНЕРИМСКУЮ ТЕМУ

Время. Начинаю про Цезаря рассказ.
Но не потому, что горя нету более -
Время потому, что резкая тоска
стала ясною осознанною болью.
Время, вновь гай-юлиевские лозунги развихрь!
Нам ли растекаться слезной лужею.
Цезарь и теперь живее всех живых -
наше знание, сила и оружие.
Люди - триремы, хотя и на суше.
Проживешь свое пока,
много всяких грязных ракушек
налипает нам на бока.
А потом, пробивши бурю разозленную,
сядешь, чтобы солнца близь,
и счищаешь водорослей бороду зеленую
и медуз малиновую слизь.
Я себя под Цезарем чищу,
чтобы плыть в империю дальше,
Я боюсь этих строчек тыщи,
как мальчишкой боишься фальши.

Рассияют головою венчик -
я тревожусь, не закрыло чтоб
настоящий мудрый человеческий
цезаревский огромный лоб.
Я боюсь, чтоб арки и мавзолеи,
поклонений установленный статут
не залили б приторным елеем
цезаревскую простоту.
За него дрожу, как за зеницу глаза,
чтоб конфетной не был красотой оболган.
Голосует сердце - я писать обязан
по мандату долга.

Великий Цезарь, по жертвенникам дымным.
по землям, покрытым и просом, и жнивьем,
вашим священным сердцем и именем
думаем, дышим, боремся и живем!
День отшумел, как пчелиный улей.
Звезды горят угольками в золе.
Двое в комнате. Я и Гай Юлий -
мраморный бюст на дубовом столе.

НА ОБОСТРЕНИЕ ГРУЗИНСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Кавказ подо мною – один в вышине
Стою с автоматом на длинном ремне
Парит подо мною могучий орел
Куда только русский солдат не добрел!

О, сколь величав и прекрасен Кавказ!
Селился здесь тат, армянин и абхаз,
Трудился крестьянин, и рыскал злодей,
За выкуп ворующий мирных людей.

Здесь Терек струится, воркует Кура,
Вершины хребтов словно из серебра,
Здесь раненый Лермонтов падал на снег,
Чтоб нам покорился коварный абрек.

Россия! Отечество! Дикий Кавказ
Не создан ли Господом Богом для нас?
К Москве и народы его, и вожди
прильнут, словно сын к материнской груди.

Развалины храмов, озер зеркала,
Над тихим Тифлисом вечерняя мгла,
Каспийские зори, живой виноград,
армянские розы, сухумский гранат –

и все это наше! и думаю я:
еще мы вернем вам свободу, друзья,
чтоб жадный чучмек не сосал карамель
в долинах исконных российских земель.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АЛЕКСЕЮ ЦВЕТКОВУ

Мой верный друг, быть может, самый близкий,
скажу тебе, как доброму врачу,
поверь – не зря я в нашей переписке
запретных тем касаться не хочу.
Есть столько в жизни! Киноварь заката.
Щелк соловьев. Курантов перелив.
Поблескивают в рощице маслята,
кокетливые шляпки нацепив.
А земляника в светлом перелеске?
А тетерев, токующий в бору?
Как бьется щука на упругой леске!
Как серебрится Клязьма поутру!
Блится куполами храм Господень,
торгует квасом старый инвалид.
Спокойствие, разлитое в природе,
славянам честным сердце веселит.

Настаиваешь? Что ж, скажу, заплакав:
о том ли, друг, мечтали мы вдвоем?
Нет, очерствел ты средь чехословаков,
и что-то в сердце треснуло твоим!
Не спорю я, прекрасна Злата Прага,
жирны шпикачки, пивовар толков,
но вынесет ли бедная бумага
рассказ о нашей родине, Цветков?
Всего, дружок, в письме не скажешь вкратце,
открой газету, радио включи:
отечество под вопли «рад стараться!»
замучили тупые палачи.
Там казнокрадом взвинчены тарифы
на ЖКХ, там барды не нужны,
лишь брокер с дистрибьютором, как грифы,
терзают труп загубленной страны...

А что же Путин, твердый, словно камень?
Врагам страны прощенья не суля,
он лоб подпер могучими руками
и без улыбки смотрит из Кремля.
Не спит, герой страны в кавказской бурке!
Он – Тушин наш, а родина – редут.
Но торжествуют хачики и чурки,
текут слюной, кровавой доли ждут!
По чести, Леша, даже он бессилен.
Как сбилась наша Родина с пути!
Не хватит даже ленинских извилин,
чтобы её, заблудшую спасти....

БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА

Петру Образцову

Не сумрачный тевтон с корыстною рейсшиной,
не швед воинственный на быстрых кораблях
творили наш Союз, святой и нерушимый,
не Альбиона сын, и не кичливый лях.
Он - не трофей грабительских походов,
не ядовитый хмель имперского вина.
Свободной дружбы сын, дитя любви народов,
на все века и времена.

Давно ль, мой Пётр, в национальных платях
джигиты с саблями, плясали, словно львы,
и обретали сон, счастливые, в объятьях
красавицы-Москвы?

Давно ли нам одно светило солнце,
на всех довольно было пирога,
и молдаванин прикрывал эстонца
от пуль афганского врага?

Нет, никому я не был благодарней,
чем наш Союз пятнадцати друзей!
Он выдержал бы натиск сотен армий,
двухсот семи князей.

Он все умел – и обезвредить мину,
и прокатиться с горки ледяной...

Но три предателя ему вонзили в спину
американский нож стальной.

Сгорел наш отчий дом! Слезит глаза от дыма,
и душу бедную знобит.

Доколе вам топтать святыя камни Крыма,
бендеровец и ваххабит?

Примем «Путинки» мы с утра
с тонким ломтиком огурца,
что нам кислая хванчкара
закавказского образца!
Будем пить аппетитный квас,
хлеб ржаной разрезать ножом –
слишком долго травили нас,
продавая гнусный боржом.

Много истин есть, милый сын,
чья обманчива простота.
Вот, допустим, крещен грузин,
только верит ли он в Христа?
Или взять армянина – он,
даже если шестнадцать раз
в Церкви Божией окрещен,
пятикратный творит намаз.

Враг, торгующий анашой***,
открывающий казино!
Если он и владел душой,
то утратил ее давно.
Присмотрись: неумыт, небрит,
Говорит по-русски с трудом.
Словом, вылитый ваххабит.
Не пускай его в отчий дом!

****Вариант:* черемшой.

НА ОБВИНЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ БОРИСА АКУНИНА В УКЛОНЕНИИ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И ШПИОНАЖЕ В ПОЛЬЗУ ОДНОЙ ИНОСТРАННОЙ ДЕРЖАВЫ

Сколь ты начитан был, сердечен, остроумен!
Возликовал всяк русский наконец,
когда пришел к нему Борис Акунин,
истории родной таинственный певец.
Вот мастер, думал я, достойный обладатель
таланта чистого, завидного ума,
и радовался я, восторженный читатель,
явлению нового Дюма.

Как жадно ждал я каждого романа!
А ныне – как мучительно боюсь,
что пала жертвой подлого обмана
доверчивая Русь!
Гордились мы тобой, звездой в литературе.
И верится с трудом,
что закавказский волк в овечьей шкуре
прокрался в русский дом.

Ряды бойцов сомкнутся, и сурово
уйдет отряд в глухую ночь.
Тебя заменят Шитов и Донцова,
Пелевин, Робская и проч.
Они, они платящие налоги,
поющие родную власть!
А ты, космополит, что изгнан из берлоги,
ты обречен пропасть!

Нет, рано нам справлять по родине поминки!
Врага ужасен лик,
когда он продает на Палашевском рынке
отравленный шашлык.
Но мы дойдем до сокровенной цели!
Ведь с нами Путин, а Россия – с ним!
И не спасет тебя, Григорий Церетели,
японский псевдоним!

ИНВЕКТИВА, БИЧУЮЩАЯ НЕВЕДОМОГО ЗОИЛА

Не клевети, зоил, исподтишка.
Ты хочешь руку? Вот моя рука,
а дева ты – и сердце дам впридачу.
Но мне смешон критический бомад.
Один на свете есть поэт: Ремонт.
Гляди, зоил, как я, рисуя, плачу!

Киргиз – и тот, входя в родной аил,
исполнен счастья. Только ты, зоил,
любви не знаешь, непричастен вере
в поэзию, всемирной скорби груз,
гармонию, таинственный союз,
связующий Моцарта и Сальери.

Живешь ты на четвертом этаже,
или шестом – неважно. Но в ЖЖ
льешь на меня ушаты измышлений,
поэту мажешь грязью чистый лик,
забыв, как бесподобен и велик
его своеобразный, чистый гений.

Да! От Тибета до чилийских Анд
бурлит его невиданный талант.
Он прочитал Бодлера и Ламарка,
он памятник большой себе воздвиг.
И если жизнь земная - черновик,
то ты, зоил, лишь жалкая помарка!

СЕРГЕЮ ГАНДЛЕВСКОМУ НА ПОСЕЩЕНИЕ БРЕТАНИ, ГДЕ ЕГО ОБКОРМИЛИ
УСТРИЦАМИ

Сергей, Сергей, когда же ты поймешь,
что за тоска меня одолевает?
Россия - устрица, а Запад - острый нож,
которым бедную вскрывают.

Отобран у нее и меч, и щит,
в час роковой, в унынии глубоком,
ты слышал, как несчастная пищит,
политая лимонным соком?

Да, нож судьбы воистину остер!
Горит костер (скорби, российска муза!)
где жарят и коптят ее сестер
придурковатые французы.

Сергей, Сергей! Где наш российский рай?
Где было широко, там стало узко.
Раскайся же, подумай, не глотай
сего невинного моллюска!

СЕРГЕЮ ГАНДЛЕВСКОМУ НА ЕГО КРИТИКУ

(дружеское, но трезвое послание, отчасти от лица Б.Кенжеева)

Сергея! Попробуем жить не по лжи.
Завидуешь другу - так прямо скажи.
Ведь это не то что на плаху,
грустя, положить удалую башку.
Речь только о том, что к иному стишку
ревнуешь ты, слава Аллаху.

Оно, разумеется, немудрено.
Поэты, как правило, все же говно,
особенно если евреи.
С другой стороны, даровитый казах
прекрасен. Ему помогает Аллах,
порывы Эола, Борея,

и прочих ветров, и закатный рассвет.
Другими словами, он просто поэт
от Бога. К тому же не беден.
Пусть бледен бывает лицом, словно мел,
но времечко было, квартиру имел,
и водочку ставил соседям.

Ах, глупый товарищ (промолвлю, любя)!
Хотя бы однажды взгляни на себя.
Вся жизнь оказалась - копейка.
А я, победитель, спокоен и рад.
Недаром стоит у меня аппарат
на кухне - стекло, нержавейка!

И вот, укрепляя таинственный дар,
из трубки божественный льется нектар.
А было-то - дрожжи да сахар!
Пускай поутру поболит голова –
не так ли поэт претворяет
слова в поэзию, слава Аллаха!

Итак, не завидуй, и зла не держи.
Попробуй действительно жить не по лжи,
смири романтический норов...
Есть друг у тебя. Он бессмертный поэт,
которому, Сержинька, равного нет.
Ремонт. Вдохновенный Приборов.

ТАПИР И ШЕКСПИР
(философическая басня)

Алексее Цветкову

В человеческом знании – тысячи дыр,
Мы над тайнами жизни не властны.
Вот, к примеру, не любит Шекспира Тапир,
А за что – совершенно неясно.
И когда зоосад посещает Тапир,
Где содержится райская птица,
Не подходит он к клетке, где кроткий Шекспир,
Поздороваться или проститься.
К этой клетке широкая вьется тропа
Там играет эфирская лира,
И, резвясь, шаловливых мальчишек толпа
Апельсинами кормит Шекспира.
На главе его вечный лавровый венец,
Только сердце отравлено ядом,
И Тапира, спешащего мимо, певец
Провожает расстроенным взглядом.
Пробудись, Достоевский! Под звоны рапир
Разойдемся с преступного пира!
Справедлив ли тот мир, где безумный Тапир
оскорбляет простого Шекспира?

КОЗЕЛ, БАРАН И ДЕВА

(Поэтическая притча)

Природа – сфинкс. О, сколько в ней загадок,
сколь чудно в них теряется душа!
Возьми Козла – он почему-то гадок,
а Молодая Дева – хороша.
Не понимаю матери-природы!
У них обоих – уши, голова.
Одни жиры, белки и углеводы
истрачены на эти существа.
Или рассмотрим Горного Барана
(для нашей притчи это все равно),
убогого, которого охрана
на танцы не пускает и в кино.
Никто ему поэмы не читает,
не льет вина... А Деве ход везде!
Её братишки с сестрами ласкают,
приравнивая образом к звезде!
Как для нее свистит ночная птица!
Плеснет весло, запахнет резедой,
и Дева восхищенная гордится
своею дивной статью молодой.
И шепчет ей жених: «Клянусь Кораном!
Ты – слаще меда из эдемских сот!»
А наш Козел стоит баран бараном
и бородой обиженно трясет.